

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 1, pp. 193–210, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81.23

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-193-210

Мотивированность языка как проявление тенденциозности когниции (на примере знаков для номинации результата депозиционирования объекта в паре языков «русский-китайский»)

Тао Цзинь¹

¹ Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0003-1949-8817. E-mail: tszin_t@pfur.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Цзинь Т., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье выявляется логическая уязвимость суждения «язык по-разному категоризирует мир» и рассматривается существующее представление о мотивированности языка как доказательство неразделимости познающего, познаваемого и познанного. *Цель исследования.* Исходя из того, что общим началом познания для различных языковых коллективов является не некий объективный внешний мир и не внутренний мир человека, а наличие присущей всему человечеству когнитивной способности, выдвигается и проверяется гипотеза о когнитивной тенденциозности как предопределяющем факторе языковой категоризации и межкультурной неполноэквивалентности. *Материалы и методы.* Проведен сопоставительный анализ ряда ситуаций, к которым применимы знаки-номинации результата депозиционирования объекта в паре языков «русский-китайский». Основной метод исследования — дедукция. *Результаты.* Неэквивалентность рассматриваемых знаков из двух языков предопределена тем, что для русского языка характерна стратегия человека-ДЕЙСТВУЮЩЕГО, концентрирующегося непосредственно на динамике своего движения. Значимыми становятся признаки, связанные с предварительной оценкой изначального взаиморасположения объектов и подбором соответствующего направления действия. В китайском языке преобладает стратегия человека-НАБЛЮДАЮЩЕГО, который включает себя в систему координат и проявляет гораздо больше интереса к тому, где окажется депозиционируемое по отношению к себе. Две стратегии могут не противоречить друг другу, а могут быть и несовместимыми. Соответственно, присутствуют как зона условной эквивалентности, так и зона лакуарности у рассматриваемых нами знаков. *Выводы.* Доказано, что язык категоризирует не независимый от человека мир, а опыт человека при взаимодействии со средой. Тенденциозность когниции неизбежна, ибо в момент взаимодействия со средой человек в обязательном порядке выполняет определенную роль.

Осознание признаков, лежащих в основе языковой категоризации, зависит от роли человека в данном взаимодействии.

Ключевые слова: когнития, мир, язык, категоризация, мотивированность, предопределенность, внимание

Благодарность. Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства Российского университета дружбы народов.

Для цитирования: Цзинь Т. Мотивированность языка как проявление тенденциозности когнитии (на примере знаков для номинации результата депозиционирования объекта в паре языков «русский-китайский») // *Oriental Studies*. 2023 Т. 16. № 1. С. 193–210. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-193-210

Language Motivation as a Manifestation of Biased Cognition: Analyzing Signs Denoting a Result of an Object's Position Shift in Russian and Chinese

Tao Tszin¹

¹ Peoples' Friendship University of Russia (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation) Cand. Sc (Philology), Associate Professor

 0000-0003-1949-8817. E-mail: tszin_t[at]pfur.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Tszin T., 2023

Abstract. Introduction. The article demonstrates the logical vulnerability of the opinion that ‘language categorizes the world in different ways’, and considers the existing idea of language motivation as interrelation and interdependence of various phenomena — and as proof of inseparability of the cognizer, what can/is to be cognized, and what has been cognized. *Goals.* Based on the fact that the common beginning of cognition for various linguistic collectives is neither some objective external world nor the inner world of a person, but rather the presence of the cognitive ability inherent in all humankind, the work articulates and tests a hypothesis that cognitive bias be a predetermining factor of linguistic categorization and incomplete interlanguage equivalence. *Materials and methods.* The paper provides comparative insights into groups of situations involving the use of signs denoting a result of an object's position shift in Russian and Chinese. The main research method is deduction. *Results.* The non-equivalence of the considered signs from the two languages is predetermined by that Russian is characterized by the strategy of a person who ACTS and concentrates directly on the dynamics of his/her movement. The signs associated with the preliminary assessment of the initial arrangement of objects and the selection of an appropriate direction of movement become significant. Chinese is dominated by the strategy of a person who OBSERVES, which includes the latter's own position in the coordinate system and shows much more interest in the relocated object's position to the subject proper. The two strategies can be sometimes compatible and sometimes contradictory. Accordingly, there is both a zone of conditional equivalence and a zone of lacunarity for the examined signs. *Conclusions.* The paper shows that language categorizes no world independent of a person but rather — the person's experience from interacting with the environment. And since at the moment of interaction with the environment a person necessarily performs a certain role, cognitive bias proves inevitable. Awareness of the features underlying linguistic categorization depends on the role of the individual in this interaction.

Keywords: cognition, world, language, categorization, motivation, predetermination, attention

Acknowledgements. The publication was supported by Strategic Academic Leadership Program of the Peoples' Friendship University of Russia.

For citation: Tszin T. Language Motivation as a Manifestation of Biased Cognition: Analyzing Signs Denoting a Result of an Object's Position Shift in Russian and Chinese. *Oriental Studies*. 2023; 16(1): 193–210. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-193-210

Введение

Стремление к выявлению причинно-следственных связей лежит в основе научного познания, и неудивительно, что проблема мотивированности языка волновала умы ученых еще с древних времен. Возрастание интереса к этой проблематике — вполне закономерная тенденция в последние десятилетия, когда лингвисты заявили целью исследования языка объяснение языковых явлений, а не только их описание и систематизацию. Утверждается необходимость «фундаментальной гипотезы» о функциональной мотивированности языка [Кибрик 2005: 32–33], и язык стал рассматриваться лингвистами как «единственно надежный доступ к сознанию человека» [Болдырев 2019: 26].

Огромное количество работ по этому направлению посвящается сопоставительному анализу материалов из разных языков. Накопилось множество языковых фактов, которые интерпретируются на сегодняшний день большинством исследователей как свидетельства о том, что «мир» получает разную репрезентацию в разных языках или язык по-разному категоризирует «мир» [Интерпретация мира 2017]. Однако есть смысл сначала разобраться, что понимается под словом «мир».

Часть таких фактов подробно рассматривается в традициях семантической типологии. «Мир» в этом случае, скорее, подразумевает содержательную сторону языковых знаков. Исследователи, как правило, выбирают определенную семантическую область (зону) и сравнивают, какие знаки существуют в разных языках для репрезентации данной области. Выясняется, что количество этих знаков может существенно отличаться. Естественным выводом становится суждение о том, что одни языки более дробно членят эту семантическую зону, а другие — менее. Например, в результате уникального лексико-типологического эксперимента, сопоставляющего лексику движения в воде более чем в 30 языках мира были описаны «бедные», «богатые» и «средние» системы, в которых количество знаков, репрезентирующих «плавание», варьируется от одного базового глагола до

четырех, а в особо богатой системе даже сложно оценить максимальное число глаголов плавания: оно может быть и неограниченно за счет продуктивного глагольного словообразования [Майсак, Рахилина 2007: 28–29].

Однако дело не столько в количестве, т. е. в степени дробности членения семантической зоны, сколько в «качестве»: эквивалентность между знаками из разных языков, относящимися к одной и той же семантической зоне, весьма условна, а неполноэквивалентность и даже безэквивалентность (лакунарность) распространены повсеместно, о чем свидетельствуют результаты множества работ по сопоставлению материалов из разных языков [Перфильева 2016; Ахмад, Балуйан 2017; Алексеева 2020; и др.]. Справедливо замечание о том, что «семантические системы разных языков находятся между собой в отношении взаимной дополнительности. Там, где в одном языке лакуна, в другом — конкретное обозначение, и наоборот» [Кузнецов 2011: 21].

Надо признать, что выделение семантической зоны для осуществления сопоставительного анализа оправдано методологической установкой и необходимостью, но «мир» как информация, извлекаемая из каждого языка, по-своему уникален, несмотря на безусловное наличие совпадающих областей в этих «мирах».

Другое понимание «мира» подчеркивает его «действительность» и «объективность» в противовес «эфирности» и «субъективности» сознания человека. Такое понимание базируется на классическом реализме и вытекающем из него противопоставлении субъекта и объекта (познающего и познаваемого, когнитивного агента и среды). «Мир» в этом случае подразумевает внешне расположенный по отношению к человеку реальный предметный мир с объективными связями, существующими у объектов с другими объектами реальности. Существует некий внутренний концептуальный мир как целостное представление внешнего предметного мира, и отдельно существует язык как система языковых знаков и правил их соединения [Кошелев 2008: 15–16].

Для объяснения фактов языковой неполноэквивалентности / безэквивалентности понадобилось внесение в эту треугольную композицию еще одного фактора — фактора «культура». Дело в том, что если одна сторона в данной треугольной композиции — язык — демонстрирует нам национальную специфику, то причинность нужно искать либо в самой действительности (внешнем мире), либо в человеке (его внутреннем мире). Говоря о «национально-культурной специфике картины мира» [Селезнева 2014; Фернандес Санчес 2016; Вахитова 2018; и др.], лингвисты на самом деле утверждают, что каждый естественный язык соотносится со своим миром, а человек, говорящий на этом языке, видит мир таким, каким ему позволяет увидеть его язык.

Таким образом, факты говорят о том, что не существует единого мира для всех языков ни в смысле «содержательной стороны» языка, ни в смысле «объективного внешнего мира», ни в смысле «внутреннего концептуального мира». Это означает, что суждение «язык по-разному категоризирует мир» таит в себе логическую уязвимость, и эта уязвимость напрямую влияет на его объяснительную силу касательно «мотивированности» языка.

Е. Е. Хазимуллина, проанализировав, как понимался термин «мотивированность» различными исследователями, резюмирует, что при всех нюансах существующих трактовок очевидно их сходство — «мотивированность языка» трактуется как взаимообусловленность различными внешними и внутренними факторами: «К важнейшим, трактуемым как мотивационные, современные исследователи относят взаимосвязи языка с действительностью, мышлением и психофизиологической организацией человека, с обществом и культурой» [Хазимуллина 2015: 151].

Трактовка «мотивированности» как взаимосвязи или взаимообусловленности по сути является компромиссным решением в пока безуспешных попытках разобраться в клубке «мир — человек — мышление — язык — культура». Но такая трактовка вряд ли может претендовать на «фундаментальную гипотезу» о мотивированности языка, поскольку она фактически лишь означает,

что человек «видит» мир определенным образом потому, что он носитель своего языка и своей культуры. В теоретическом плане рассмотрение взаимосвязанности и взаимообусловленности разных феноменов не может привести к построению цепочки причинно-следственных связей, поскольку ни один из рассматриваемых факторов не является предопределяющим для остальных, а практическая польза от такого подхода тоже вызывает сомнение. Дело в том, что для человека «мотивированность» функционирования родного языка, как правило, не требует объяснения, ему попросту не дано другое видение. Осознание «мотивированности» становится для нас актуальным при освоении чужого языка, и реально нам поможет все же объяснение, почему и каким образом носитель другого языка «видит» другой мир, а не суждение о другой культуре или другом менталитете.

То, что исследование языка приводит нас к убеждению в существовании взаимосвязанности и взаимообусловленности разных феноменов, говорит в пользу корреляционизма, в основе которого лежит «идея, согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности» [Харман 2020: 11]. Мы заперты в корреляции «человек — мир» и можем лишь только описывать универсальные условия субъективности, не будучи при этом способными объяснить, почему условия таковы, каковы они есть [Харман 2020: 12].

Проблема в том, что миф о существовании некоего общего мира как объекта познания для всего человечества создает эпистемологическую ловушку, не позволяющую нам приблизиться к универсальным условиям субъективности через анализируемые языковые материалы. Об этом писал еще А. А. Леонтьев: «...изображать язык (в традиционно лингвистической его трактовке) как то, что опосредует отношение человека к миру, — это значит попадать в порочный круг» [Леонтьев 2001: 114].

Итак, построение цепочки причинно-следственных связей требует возврата к пониманию «мотивированности» как «предопределенности». Для этого необходимо сначала определить, что может быть

рассмотрено в статусе «общего» для носителей разных языков и культур. Можем с достаточной уверенностью говорить лишь о том, что они обладают теми когнитивными способностями, которые и делают их людьми. Нет сомнения и в том, что когниция человека работает за счет сочетания его тела и мозга. Импульсы, получаемые от органов чувств, обрабатываются мозгом. Все, что мы способны осознавать, есть результат данной обработки, а **не есть** то, что в принципе может существовать и без человека. Осознанное автоматически становится для нас «реальным», а когда это осознанное получает свою номинацию, появляется и возможность судить о его «истинности / ложности», «действительности / мифичности». Для нас «осознанное» и есть «мир». Исходя из этого, деление «мира» на внешний и внутренний теряет смысл, и правомерно говорить не о категоризации какого-то независимого от человека объективного «мира», а о категоризации «опыта»¹.

Если мы согласимся с тем, что когниция человека работает за счет сочетания его тела и мозга, то гипотетически можно выделить факторы, предопределяющие различие в категоризации «опыта».

Во-первых, это физиологический фактор, определяющий различия в степени чувствительности рецепторов. Во-вторых, это фактор среды, т. е. климатические, географические, исторические и прочие условия проживания языковых коллективов, определяющие различия в их образе жизни, в ведении хозяйства. От этих двух факторов зависит «одинаковость» поступающих от органов чувств сигналов для людей-носителей разных языков и культур.

То, что индивидуальное различие в степени чувствительности рецепторов может значительно влиять на языковые категории, вызывает скептицизм, поскольку языковые категории являются все же коллективными «договоренностями». Скорее, эти два фактора работают в связке. Чем важнее некий опыт в определенной среде, тем более «чуткими» будут к нему представители соответствующей культуры, и как результат — опыт получает более дифференцированную

¹ Мы полагаем, что когниция не способна создавать что-то из ничего, т. е. любой «человеческий» концепт рождается из «опыта».

языковую фиксацию². Для нас гораздо интереснее случаи, когда влияние этих двух факторов мы можем с уверенностью исключить, т. е. когда один и тот же опыт по отношению к одним и тем же объектам, совершаемый представителями разных языков практически одинаковым способом и имеющий для них равную значимость, распознается (именуется) ими по-разному. В этом случае логично предполагать, что решающую роль играет чисто когнитивный фактор, полагающий наличие «некой свободы» у мозга: при одинаковых поступающих от органов чувств импульсов наш мозг в принципе может позволить нам осознавать «разное». Иными словами, человеческая когниция изначально работает «тенденциозно». Анализ соответствующих языковых материалов, вероятно, откроет нам доступ к причине этой «тенденциозности»³.

К подобного рода опыту можно отнести широкий спектр действий, направленных на изменение месторасположения объекта / объектов. В рамках настоящей статьи мы фокусируемся на языковых знаках для распознавания результата депозиционирования объекта / объектов⁴ из русского и

² Так, например, упомянутый нами лексико-типологический эксперимент по лексике движения в воде выявил наиболее «богатую систему» в индонезийском языке, что неудивительно, учитывая исключительную важность мореплавания для данного народа.

³ В нашем понимании причины данной «тенденциозности» и есть названные философами «универсальные условия субъективности» [Харман 2020: 12].

⁴ Мы разделяем такого рода действия на два вида — позиционирование и депозиционирование. Для человека, судя по наличию соответствующих языковых средств, достаточно существенным оказывается различие между такими представлениями: «что-то окажется на каком-то месте» и «что-то больше не находится на каком-то месте». Конечно, немало случаев, когда позиционированию предшествует депозиционирование или же депозиционирование подразумевает, что объект окажется на другом месте. В нашей работе рассматривается как депозиционирование объекта / объектов в «чистом» виде, когда результат интерпретируется как «что-то после действия больше не находится на каком-то месте», так и депозиционирование, подразумевающее последующее появление объекта / объектов на каком-то новом месте.

китайского языков. Цель исследования — выявить когнитивный фактор, приводящий к неполноэквивалентности данных знаков и предопределяющий их применяемость к определенному кругу ситуаций депозиционирования объектов.

Материалы исследования и методы

Депозиционирование объекта продиктовано намерением человека изменить его местоположение, которое определяется человеком с применением определенной системы координат. Рассматриваемые нами два языка сходятся в том, что опыт депозиционирования объекта может быть зафиксирован двумя компонентами: первый — само действие, подразумевающее манипуляцию над объектом; второй — результативность данного действия, фиксирующая понимание, как изменится местоположение объекта по завершении манипуляции. Традиционно языковая фиксация первого компонента определяется как самостоятельный глагол (для обоих языков) или основа приставочных глаголов (для русского языка), а второй компонент — дополнительная частица к глаголу (используются разные термины для их обозначения: «префикс», «приставка» для русского языка, «дополнительный элемент», «комплемент» — для китайского). Хотя, если исходить из категоризации опыта, то именно так называемая дополнительная частица обладает большим категоризационным потенциалом. Такой вывод очевиден по простой причине, ибо количество этих частиц несравнимо меньше глаголов, обозначающих действие над объектом.

В рамках настоящей работы мы, главным образом, сосредоточимся на рассмотрении категоризации опыта депозиционирования объекта языковыми знаками, связанными с представлением о «ВНИЗ». В русском языке это приставка *с-*, а в китайском языке, на первый взгляд, используется более дифференцированный подход, что отражается в наличии двух частотных в употреблении знаков 下 (*xia*) и 掉 (*diao*) и менее частотного знака 倒 (*dao*).

Основные методы исследования — сравнительный анализ и дедукция, применяется также метод опроса информантов. Используются словари, справочники и ма-

териалы корпусов русского и китайского языков¹. Поставлены две задачи: 1) сравнивая интересующие нас знаки с другими знаками, используемыми в обоих языках для обозначения результата депозиционирования, выделить ограничительные признаки, не позволяющие носителям двух языков строить корреляцию между результатом опыта депозиционирования объекта и представлением о «ВНИЗ», тем самым ответить на вопрос, почему часть ситуаций депозиционирования, распознаваемых в русском языке как *с-действие*, не распознается носителями китайского языка как действия с результатом, обозначаемым с помощью перечисленных выше трех знаков и наоборот; 2) объяснить неполноэквивалентность *с-* и 下 (*xia*) / 掉 (*diao*) как естественное проявление разных когнитивных стратегий, предопределяющих значимость тех или иных признаков. В заключение мы попытаемся обосновать наш взгляд на мотивированность языка как проявление когнитивной тенденциозности.

Вариативность представления о «ВНИЗ»

Корреляция между результатом опыта депозиционирования объекта и представлением о «ВНИЗ» в русском языке

Исследователи семантики приставок единодушны в том, что возникновение семы «удаление» у приставки *с-* связано с ее основным пространственным значением, которое определяется как «направление сверху вниз» [Волохина, Попова 1993: 63]. Действительно, когда акцентируется внимание на том, что исходное место и конечное место расположения депозиционируемого объективно находятся на разной высоте, применение *с-действия* становится необходимым: *сгрузить что-то с машины*. Но можно ли назвать данный признак главным мотивирующим фактором распознавания опыта как *с-действие*? Наш ответ на этот вопрос — отрицательный.

В русском языке для обозначения результата депозиционирования объектов, наряду с *с-*, применяется целый ряд других приставок, не связанных с представлением о движении «ВНИЗ». В первую очередь

¹ Перечень словарей и корпусов см. в разделе «Источники».

это *от-* (*отвинтить, открутить, отделить, отклеить, отлепить, отлипать*) и *у-* (*убрать, удалить*), а также *вы-* (*выкрутить, вывинтить*)¹. К ситуациям, когда депозиционируемое покрывает некий объект, применяются *по-*, например, *почистить (почистить яблоко от кожуры, почистить яйцо от скорлупы, почистить что-то от грязи)*, и *о-/об-* (*обрить, обстричь, очистить*), причем, *очистить* либо подчеркивает «полностью» удалить что-то (например, грязь) со всей поверхности, либо удалить то, что содержится в «очищаемом» объекте:

Порезать помидоры на половинки и очистить от семян [НКРЯ. Рецепты национальных кухонь: Скандинавская кухня, 2000–2005].

Различия между ситуациями депозиционирования, к которым применимы разные приставки, зачастую являются достаточно критичными для носителей русского языка, т. е. некий опыт депозиционирования не распознается как *с-*действие, а может быть «назван» только с помощью другой приставки (или других приставок), в некоторых же случаях — менее критичными или даже несущественными.

К критичным параметрам относится прежде всего исходное взаиморасположение между депозиционируемым и объектом, имеющим к нему непосредственное отношение. Для удобства обозначаем данный объект как O1, а депозиционируемое — O2. Когда O2 находится полностью (содержится) или частично внутри O1, депозиционирование не может быть распознано как *с-*действие. Применимы *очистить, удалить (удалить примеси)* и *вы-*действие (*выдернуть гвоздь, вырвать зуб*). Опыт, когда последовательно депозиционируется множество объектов в пределах определенного пространства, так же не распознается, как *с-*действие (*удалить все мелкие кости, убрать со стола, выстричь шерсть, вырубить лес, обрить голову наголо*). Это означает, что для *с-*действия чрезвычайно важно, чтобы O2 могло быть воспринято как «нечто целостное», находящееся на O1.

¹ Здесь мы перечисляем те глаголы, чья глагольная основа или вовсе не сочетается с приставкой *с-*, или при сочетании с *с-* относится не к ситуациям депозиционирования (например, *слепить*). К этому явлению мы еще вернемся в ходе исследования.

В Русской грамматике (1980) значение префиксов *с-* и *от-* в случаях, когда глагольная основа обозначает разного рода действие депозиционирования объекта, толкуется с помощью одного и того же глагола «удалить(ся)», а различие между ними отражается предлогами *с* и *от* соответственно: «удалить(ся) с чего-н.» и «удалить(ся) от чего-н.» [Русская грамматика 1980: 371, 364]. Действительно, наблюдается склонность к распознаванию ситуаций как *от-*действие, когда O1 и O2 в исходном состоянии рассматривается как одно целое или же когда O2 является составляющей частью O1, об этом свидетельствует уже сам факт наличия таких глаголов, как *отделить, отсоединить*. Однако различие между «с чего-н.» и «от чего-н.» не всегда тривиально. Существуют ситуации, к которым применимо только *с-*действие или только *от-*действие, но немало и таких случаев, когда они взаимозаменяемы. Для выяснения мотивированности дифференциации опыта в этих случаях мы провели опрос среди 40 носителей русского языка по взаимозаменяемости глаголов *срезать – отрезать, спилить – отпилить, срубить – отрубить*. Результат опроса обобщен по степени их взаимозаменяемости в таблице 1².

Опрос показывает, что достаточно чувствительным для носителей русского языка оказывается фактор, насколько O2 может быть воспринято как нечто целостное, отдельное, независимое от O1. Это хорошо видно, если сравнивать примеры 6 и 16. В примере 6 *кусочек доски*, скорее, воспринимается как часть какой-то цельной доски, а его размер может быть определен неточным суждением как *небольшой*, в этом случае всего три человека среди опрошенных сочли возможной замену *отпилить* на

² При опросе были использованы фрагменты из художественных произведений [НКРЯ], и у опрошенных было достаточно полное представление о контексте. В подбор также сознательно не были включены примеры, где присутствуют «с чего-то» и «от чего-то», поскольку их присутствие будет влиять на выбор глаголов. Естественно, при подборе примеров у нас уже были некоторые предположения о том, какие моменты могут быть значимыми для носителей русского языка. И результат опроса, можно сказать, подтвердил и уточнил эти предположения.

Таблица 1. Результат опроса по взаимозаменяемости глаголов
[Table 1. Results of the survey on interchangeability of verbs]

Замена невозможна или скорее невозможна (считающие замену возможной составляют от 0 % до 20 % опрошенных. Для первых 5 случаев этот процент приближается к нулю. Далее примеры представлены в порядке возрастания числа считающих замену возможной)	1. Первое документальное свидетельство о новом обычае относится к 1521 г., когда власти французского города Селеста поручили леснику срубить для них елку. [НКРЯ. Феоктистова Н. Ю. Новогородняя ёлка] 2. Затем мы скромно позавтракали. Мать все-таки отрезала нам кусок халвы. Разговор, естественно, зашел о литературе. [НКРЯ. Сергей Довлатов. Чемодан] 3. ...отрубить ногу приблизительно на 3 вершка (речь идет об окороке) ... [НКРЯ. Елена Молоховец. Подарок молодым хозяйкам, или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве] ... 4. ...мы действительно кой-чем рисковали в это утро. Мне потом отрезали два пальца... [НКРЯ. В. Г. Короленко. Мороз] 5. ...Им отрезали уши, носы, все это документально зафиксировано. [НКРЯ. Александр Чуйков Чечню проверяют со всех сторон] 6. ...отпилить кусочек доски для какой-нибудь хозяйственной надобности... [НКРЯ. Дмитрий Каралис. Мы строим дом] 7. ...срезала ножницами цветы к обеденному столу... [НКРЯ. Куприн А. И. Гранатовый браслет] 8. ...я как-то нашла два подберезовика. Их срезали ножом, и дней через пять они выросли снова... [НКРЯ. Катя Метелица. Гусиные ягоды] 9. Девочки красили ногти, болтали, отрезали друг другу челки... [НКРЯ. Маша Трауб. Ласточ...ка. М.: Эксмо, 2012] 10. спилить старое дерево и посадить новое... [НКРЯ. Василий Дубовский. Забористая инициатива] 11. ...Сушину рубит и долго еще провозится. Ведь надо ее срубить, потом ветки обрубить, потом к избушке притащить... [НКРЯ. Юрий Коваль. Солнечное пятно] 12. Мама, тетя Зина и Катка чистили горы вареных овощей для салатов и отрезали головы селедкам... [НКРЯ. Дмитрий Каралис. Космонавт]
Замена возможна или скорее возможна (считающие замену возможной составляют от 20 % опрошенных и выше)	13. ...срезал пуговицы с его штанов и отбирал поясной ремень... [НКРЯ. Гроссман В. Жизнь и судьба] 14. Крышу сняли. Срезали провода... Тем временем на маленькой площади перед администрацией шумят собравшиеся. [НКРЯ. Ольга Андреева. Стланная стлана] 15. Он несколько раз просил Жданова эту ветку спилить. [НКРЯ. Вадим Баевский. Table-talk] 16. Помню проблему: тумбочка не влезала, мне пришлось отпилить у нее целиком угол вместе с ножкой... [НКРЯ. Владимир Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени]
Замена возможна или скорее возможна (считающие замену возможной составляют от 20 % опрошенных и выше)	17. «Но чтобы по-человечески жить, — смеется Тереза, — надо убивать котов — чтоб не воняли, курицу — чтоб съесть, овцу — чтоб сделать дубленку, слона — чтоб отпилить бивни. [НКРЯ. Галина Щербакова. Моление о Еве] 18. Так рабочие, вместо того чтобы аккуратно лишнее отпилить, просто откололи кусок плиты отбойными молотками. [НКРЯ. Сергей Салтыков. Москва не сразу рушилась]

Взаимозаменяемы (считающие замену невозможной составляют до 10 % опрошенных)	19. Он несколько раз просил Жданова эту ветку спилить . [НКРЯ. Вадим Баевский. Table-talk] 20. Но, если у дерева спилить верхушку, оно становится уродливым или кривым — так и здесь. [НКРЯ. протоиерей Влади- мир (Воробьев), А. А. Данилова. Невероятные приключения тео- логии в России] 21. Я подошёл и срезал ножом несколько кусков мяса. [НКРЯ. А. Лесняк, Я. К. Бадридзе. Волк в человеческой шкуре] 22. Тут требовалось приложить руки, отдельные сучки отпи- лить , иные яблони вовсе выкорчевать... [НКРЯ. С. М. Голицын. Записки уцелевшего]
---	---

спилить, а в примере 17, когда и форма, и и размер О2 достаточно легко представляемы, число считающих замену возможной приближается к 50 %. По этой же причине, когда О1 — живой организм, депозиционирование квалифицируется большинством исключительно только как от-действие, а не с-действие (примеры 4, 5, 9). Когда О1 — селедка, О2 — ее голова, число считающих замену возможной возрастает, в процентном соотношении приближается к 20 %, а когда О1 — убитый слон, а О2 — бивни, это число возросло еще заметнее. Скорее, представление о «целостном, отдельном, независимом от О1» коррелируется еще и с оценкой бесполезности / полезности О2 для человека. Как видно по примеру 18, когда речь идет о «лишнем», число считающих замену возможной тоже велико.

Второй момент, влияющий на взаимозаменяемость с-действия и от-действия, связан с фокусированием внимания. Несмотря на индивидуальное различие в восприятии ситуаций, общее предрасположение у носителей русского языка хорошо прослеживается. При применении с-действия внимание фокусируется на самом О2, а О1 может служить лишь ориентиром для определения местоположения О2, как в случае *срубить елку* (пример 1), *спилить (срубить) дерево* (примеры 10, 11), *срезать грибы* (пример 8), О1 — это поверхность земли. Результат действия при этом касается в первую очередь О2, а влияние данного действия на О1 является лишь «вычисляемой информацией» или вовсе не существенным. Иными словами, еще до совершения действия человека интересует «что нужно / можно делать с О2». Когда же внимание сфокусировано на О1, т. е. человека интересует, в первую очередь, как изменится О1 после действия, применимо не с-действие, а от-действие. Об

этом можно судить, сравнивая примеры 3 и 7. Кроме того, при от-действии в поле внимания попадают не только О1 и О2 в исходном положении, но и место, где окажется О2 после депозиционирования. Как показывает пример 2, где подразумевается некое взаимоотношение между действующим лицом и лицом / лицами, к кому перемещается О2, процент считающих замену на с-действие возможной приближается к 0 %. Для сравнения: в случае с примером 20, когда действие не имеет отношения к иным лицам, замену считает возможной подавляющее большинство опрошенных. Таким образом, взаимозаменяемость с-действия и от-действия во многом регулируется возможностью переключения внимания в конкретной ситуации.

В наш опрос был включен еще один вопрос: являются ли синонимами выражения *срубить голову* и *отрубить голову*. Подавляющее большинство опрошенных не считает их абсолютными синонимами. Многие отмечают, что *отрубить голову* является более привычным выражением, а *срубить голову* имеет окраску большей «эмоциональности» и «жестокости», скорее, свойственно художественному произведению. Ценными оказываются комментарии, раскрывающие причину такого восприятия с-действия: «Срубить голову обычно употребляется в сочетании со словами „меч“, „сабля“, „шашка“, то есть каким-то острым орудием. И приставка с- показывает движение сверху вниз»; «Срубить значит сделать это более резко и без особых усилий, более того, если не брать контекст этих двух выражений, то создается впечатление, что голову срубить могло что-то иное, нечто неодушевленное (к примеру, какой-то ненамеренный несчастный случай)»; «Если отрубают голову, то это казнь, отрубают топором или чем-то по-

хожим. Срубить же голову — это снести ее, например, в битве. Снести голову саблей или похожим оружием. Отличается взмах орудием».

По этим комментариям можно сделать вывод о том, что при распознавании ситуации депозиционирования как *с*-действие человека интересует не только то, что нужно / можно сделать с О2, но также он обращает свое внимание на то, как это действие им «ощущается». Этот вывод подтверждается и другими объективными фактами. Вернемся к упомянутым нами глаголам *отвинтить, открутить, отделить, отклеить, отлепить, отлипать, убрать, удалить, выкрутить, вывинтить, почистить*. Несложно заметить, что для совершения подобных действий депозиционирования требуется мелкая моторика или достаточно сложная манипуляция над объектом. Неслучайно, что глагольная основа этих глаголов если и сочетается с приставкой *с-*, то речь пойдет вовсе не о депозиционировании. Объясняется это тем, что признак «резкости» движения является весьма критичным для *с*-действия¹. В свою очередь «резкость» движения мотивирована тем, что человек акцентирует внимание на том, что между О1 и О2 существует некая точка / плоскость соприкосновения и для депозиционирования нужно усилие для преодоления силы сцепления. На это указывает, например, различие между *сдвинуть* и *отодвинуть*: естественно говорить «кто-то не смог сдвинуть что-то», но не «кто-то не смог отодвинуть что-то».

Итак, русский язык, на самом деле, демонстрирует высокую степень дифференциации опыта депозиционирования объекта / объектов: учитываются исходное взаиморасположение О1 и О2, возможность фокусирования внимания на одном О1 или О2, или необходимость удерживать в поле внимания более сложную схему взаимодействия, существенным моментом оказы-

вается и сама моторика. Для построения корреляции между результатом опыта депозиционирования объекта и представлением о «ВНИЗ» требуется удовлетворение взаимосвязанных условий: может быть предпринято достаточно «резкое» действие для преодоления силы сцепления между О2 и О1, соответственно, О2 должно быть НЕЧТО, имеющее точку / точки соприкосновения с О1 и распознаваемое как отдельно существующее, т. е. внимание может быть сфокусировано на О2. Понимание «резкости», скорее всего, генетически связано с ощущением, возникающим у человека при совершении им движения «сверху вниз», но в дальнейшем критерий «сверху вниз» уже работает вовсе не как буквальное регламентирование направления действия.

Корреляция между результатом опыта депозиционирования объекта и представлением о «ВНИЗ» в китайском языке

Китайский язык демонстрирует совсем иной подход к категоризации опыта депозиционирования. С одной стороны, мы видим гораздо более детализированную классификацию самих действий депозиционирования. Например, русские глаголы *снять / снимать*², *сорвать / срывать* соотносятся с целым рядом китайских глаголов, демонстрирующих «чувствительность» не только к исходному взаиморасположению О1 и О2, но и к их собственным пространственным характеристикам. Ниже представлен лишь неполный список таких глаголов:

1) 摘 *zhai* снять / снимать предмет, исходное положение которого воспринимается как висящее на чем-то или закрепленное на чем-то тонком, например, *картину со стены, яблоко с яблони, цветы с кустов; головной убор, очки, часы, украшения и прочие аксессуары с человека*;

2) 脱 *tuō* снять / снимать одежду, обувь, носки, восприятие акцентируется на том, что часть тела высвобождается и освобождается;

3) 掐 *qiā* сорвать / срывать или удалять что-то (*цветы, листья*), сдавливая ногтями стебли;

² *Снять / снимать* определяются по правилам морфемного разбора как глагол без приставки, однако если исходить из категоризации опыта, у нас нет сомнения в том, что они относятся к *с*-действиям.

¹ Можно привести в пример еще одно наблюдение. *С*-действие, как правило, не применимо к ситуациям, когда речь идет об удалении кожуры с фруктов, скорлупы с яйца. Но вполне допустимо «*снять*» кожуру с помидора или перца» в связи с тем, что при предварительной обработке можно одним движением удалить кожуру с достаточно большой поверхности помидора или перца.

4) 扯 *zhe* сорвать / срывать что-то плоское с чего-то;

5) 撕 *si* сорвать / срывать что-то наклеенное, взяв за уголок и разрывая; разорвать / разрывать что-то плоское.

Такая детализация опыта, конечно, никак не объясняется тем, что депозиционирование объекта почему-то более значимо для китайского народа¹. Она, на наш взгляд, в определенном смысле является неизбежной для языка иероглифического строя. Как отмечает А. И. Кобзев, сама иероглифичность «синтетична и образна (гештальтна), а значит, ориентирована на холизм и континуальность» [Кобзев 2011: 321].

Иероглифы запечатлевают идеализированные визуальные «образы», создавая подобия в типовых формах. В составе большинства иероглифов для номинации действия присутствует видоизмененный образ «рука», т. е. ими запечатлена «картинка» в момент взаимодействия человека с объектом, которая способна аккумулировать знание о характеристике данного объекта, о цели человека и соответствующем его «подходе» к объекту, включая фактор приложенной силы, направление движения части тела или применяемого человеком инструмента². Такая информационная на-

¹ Подобная детализация характерна далеко не только для номинации действия депозиционирования. Например, русский глагол «нести» соотносится с более 10 китайскими глаголами, уточняющими и конкретно место «ношения» (в руке / руках, на ладони / ладонях, на спине, на голове, на носу, на запястье, на шее и т. д.), и характеристику объекта (форму, вес) [Цзинь 2010: 37–38].

² Приводим один пример. Иероглиф 采 *cai* состоит из двух частей. Верхняя часть — имитация «руки», нижняя часть — имитация растения, состоящего из корня под землей (поверхность земли отображена как горизонтальная черта) и видимой части с плодами [Ханьцзы юанлю цыдянь 2003: 375]. Этот прообраз во многом предопределяет применяемость данного глагола: действие должно быть направлено на сбор части растения, полезной для человека, причем растение должно быть невысоким, т. е. должно быть соблюдено положение «рука над растением» — 采茶 *saicha* «собирает чай», 采药 *caiyao* «собирает лечебную траву», 采草莓 *saicaomei* «собирает клубнику», 采蘑菇 *caimogu* «собирает грибы». Он не применим, например, к ситуации «собирает урожай» [Сяньдай ханьйюй цыдянь 1997: 115].

сыщенность ограничивает применяемость этих глаголов, но в то же время позволяет многим глаголам означать и процесс действия, и его результативность, т. е. завершение действия может подразумевать и результативность действия, поскольку регламентирование деталей делает результат очевидным и однозначным³.

С другой же стороны, критично важные для русского языка признаки при дифференциации результата депозиционирования, наоборот, игнорируются носителями китайского языка. Прежде всего, игнорируется фактор моторики: с точки зрения языковой категоризации, результат «удаление чего-то» такими действиями, как 拧 *ning* (винтить, крутить), 扣 *kou* (ковырять, с трудом отлеплять), 剥 *bo* (чистить кожуру, скорлупу) и т. п. в глазах носителей китайского языка ничем не отличается от результата «резкого» действия, такого как 扯 *zhe* и 撕 *si* (срывать, разрывать). Ко всем этим действиям применимы и 下 (*xia*), и 掉 (*diao*).

Для построения корреляции между результатом депозиционирования и представлением о «ВНИЗ» также не обязательно, чтобы О2 был НА О1. Для применения 下 (*xia*) достаточно, чтобы О2 или часть О2 являлась видимым, например, 下 (*xia*) вполне применим к ситуациям *вырвать, выдернуть что-то из чего-то*. 掉 (*diao*) еще более универсален, применим также и к ситуациям, когда О2 покрывает О1 или содержится в О1. Результат полного удаления множества объектов в пределах определенного пространства тоже может быть распознан как 下 (*xia*) или 掉 (*diao*)⁴.

³ Например, 摘 *zhai*, 脱 *tuo*, 掐 *qia* при сочетании с оператором переключения состояния 了 *le* указывает на завершение (в прошлом или в будущем) действия и результат именно депозиционирования объекта. А 扯 *che* и 撕 *si* при сочетании 了 *le* указывает на результат разрушения объекта, а для обозначения результата его депозиционирования требуется сочетание с 下 *xia* или 掉 *diao* [Ханьйюй дунцы юнфа цыдянь 1999: 452, 392, 295, 46, 345].

⁴ Для обозначения полного удаления множества объектов требуется добавление модального слова 都 *dou* или 全 *quan* (весь, все): 把骨头都去掉 *ba gutou dou qudiao* (служебное слово с абстрактным значением манипуляции над предметом + кости + модальное слово + убирать, удалять + 掉) — *удалить все косточки*.

Единственное условие, которое можно назвать «общим» для носителей обоих языков для построения корреляции между результатом депозиционирования и представлением «ВНИЗ», — это возможность фокусирования внимания на О2. Однако если в случае *c*-действий фокусирование мотивировано, главным образом, заинтересованностью человека в «преодолении силы сцепления между О1 и О2», носителей китайского языка гораздо больше интересует, где О2 должен (согласно изначальному намерению действующего лица) или потенциально может оказаться после действия. Для удобства обозначаем исходное местонахождение О2 как М1, конечное местонахождение О2 — как М2. От идентификации разницы между М1 и М2 зависит выбор не только между 下 (xia) и 掉 (diao), но и между другими знаками для обозначения результата депозиционирования объектов, не связанными с представлением о «ВНИЗ».

Идентификация М2 может быть основана на признаке «отдаленности» от М1. Когда это расстояние невелико (М2 не выпадает из поля зрения), применяется 开 kai; когда это расстояние велико (М2 не находится в поле зрения), применяется 走 zou¹. Когда разница между М1 и М2 идентифицируется по признаку закрытости / открытости, то применяется 出 chu, причем акцентирование на признаке закрытости / открытости коррелируется с восприятием М1 как места хранения О2, а его перемещение в М2 — с намерением использовать О2 для определенной цели. Так, например, 出 chu корректно использовать в ситуациях «вынуть что-то из кармана, ящика, банки, кобуры и т. п.», но некорректен к ситуации «вырвать зуб». В этом случае расстояние между М1 и М2 тоже играет роль. 出 комбинируется с дейктическим показателем 来 lai (приближение к позиции, выбранной человеком для восприятия перемещения) и 去 qu (удаление от позиции, выбранной человеком для восприятия перемещения). Применение комбинации 出来 chulai или 出去 chuqu зависит от того, удерживается ли М2 в поле зрения. Как мы видим, во всех

¹ 开 kai в целом применим к опыту «отодвинуть, убрать в сторону» [Лю Юэхуа 1998: 382–383], а 走 zou — «унести», подразумевающий уже некое совместное перемещение человека с О2 [Люй Шусян 1990: 699].

этих случаях М2 является неким реальным местом, куда перемещается О2 в сохранности и целостности.

Принцип идентификации разницы между М1 и М2 в случае 下 (xia) и 掉 (diao) уже не столь тривиален. В иероглифе 掉 (diao) присутствует «рука», и, согласно Сюй Шэнь, данный знак первоначально применялся для обозначения движения «махать, трясти, покачивать» [Сюй Шэнь]. Судя по функциям, выполняемым 掉 (diao) в наши дни, можно предположить, что в ходе эволюции языка произошло перемещение фокуса внимания с действия на его последствие: под воздействием некой силы что-то «падает с высоты», а вместе с этим возникла и корреляция с представлением о «пропадании – исчезновении». М2 при этом понимается как: 1) некое реальное место, но абсолютно не представляющее интерес для человека, т. е. О2 теряет актуальность; 2) это «нигде», т. е. сам О2 исчезает в ходе депозиционирования². Корреляция между воспринимаемым явлением «падение» и результативностью действия лежит и в основе менее частотного знака 倒 (dao). Разница в том, что в случае с 倒 (dao) «падение» понимается как изменение вертикального положения на горизонтальное, что сильно ограничивает круг ситуаций, к которым применяем данный знак: речь в основном идет о «падении» человека, дерева, сооружения (например забора)³.

² С помощью 掉 diao возможно конструировать сообщение о «падении» чего-то как о процессе с естественной результативностью: 叶子都掉了 yezidoudiaole ‘листья’ + модальное слово 都 ‘весь, все, даже’ + 掉 + оператор переключения состояния) — ‘Облетела вся листва’; 东西掉了 dongxidiao ‘вещь’ + 掉 + оператор переключения состояния) — ‘Что-то уронили; Что-то потеряли. В качестве результативного элемента 掉 diao не только применяется для обозначения результата действия депозиционирования, но и результата действия, в ходе которого что-то в определенном количестве полностью расходуется (исчезает): 吃掉 chidiao ‘съесть’ + 掉 — ‘съесть, поглотить’; 用掉 yongdiao ‘использовать’ + 掉 — ‘израсходовать (сырье, материал)’; 花掉 huadiao ‘тратить’ + 掉 — ‘израсходовать (деньги)’ [Люй Шусян 1990: 171].

³ 倒 (dao) также может самостоятельно конструировать сообщение о «падении»: 树倒了 shudaole ‘дерево’ + 倒 + оператор переключения

В прообразе 下 (xia) — 下 [Ханьцзы юанлю цыдянь 2003: 19] — присутствует линия отсчета, а короткой черточкой фокусируется внимание на зоне ниже этой линии, т. е. подразумевается некое «реальное» место ВНИЗУ. Конечно, 下 (xia) способен передать и динамику движения «сверху вниз». Как и 出, 下 (xia) комбинируется с дейктическим показателем 来 lai или 去 qu. В некоторых случаях, когда применяется 下来 xialai / 下去 xiaqu к действию с подчеркнутой «резкостью» и «приложенной силой», обозначается не результат, а сама направленность этого действия. Например, сообщение 一刀劈下来 yidaopixialai / 一刀劈下去 yidaopixiaqu (один + клинок + рубить, колоть + 下来 xialai / 下去 xiaqu) обладает высокой экспрессивностью, описывая направленность действия с клинком с размахом сверху вниз. Выбор между 下来 xialai и 下去 xiaqu зависит от позиции восприятия: 下来 xialai подразумевает, что действие воспринимается тем, на кого направлено действие; 下去 xiaqu — действие воспринимается с позиции совершающего его лица. Но случаи такого рода применения крайне ограничены, и нет никакого сомнения, что функция прямой передачи динамики движения «сверху вниз» периферийна для 下 (xia), а центральная идея все же заключается в последующем за депозиционированием позиционировании O2 в некое «реальное» место ВНИЗУ. Главный вопрос заключается в том, в каких координатах определяется этот «НИЗ».

С одной стороны, реальная разница по высоте между M1 и M2 может показаться достаточно чувствительным фактором. Мы видим, что 下 (xia) сложно применить для обозначения непосредственного результата действия депозиционирования в таких ситуациях, как *срубить дерево, срезать грибы,*

чения состояния) — ‘Дерево упало’ (дерево было старое, или было воздействие внешней силы, например из-за ветра). В качестве же результативного элемента акцентируется внимание на непосредственном результате (прямо на глазах изменилось состояние O2): 把树砍倒了 bashukandaole (служебное слово с абстрактным значением манипуляции над предметом + ‘дерево’ + ‘рубить’ + 倒+ оператор переключения состояния) — ‘Дерево упало’ (его рубили, и в результате дерево упало) [Сяньдай ханьюй цыдянь 1997: 225].

когда O2 непосредственно находится на поверхности земли. Для таких случаев гораздо естественнее применять оператор переключения состояния 了 le, т. е. акцентируется сам процесс действия как протекающий во времени и приводящий к естественному результату. По отношению к *дереву* также применимы 倒 (dao), когда акцентируется результат как прямо наблюдаемое падение прямостоящего объекта, и 掉 (diao), когда акцентируется удаление (в зависимости от контекста удаление может быть оценено положительно — удаление освобождает участок земли от лишнего дерева, или отрицательно — удаление лишает участок земли нужного дерева).

С другой же стороны, применение 下 (xia) зачастую и не требует удовлетворения условия «M1 выше M2» в буквальном смысле. По отношению к *дереву* вполне допустимо применение, например, 砍下 (kanxia рубить + 下), но такое применение всегда дополнительно мотивировано: человека не столько интересует непосредственный результат действия депозиционирования, сколько получение возможности совершить дальнейшее действие над O2. 砍下 kanxia чаще встречается в качестве определения, например 砍下的树 (kanxiadeshu ‘рубить’ + 下 + служебное слово притяжательности + ‘дерево’), и встречается в сообщениях о том, где в момент речи хранится «срубленное», для чего «срубленное» назначено, что было из «срубленного» изготовлено и т. п. [Бэйцзин дасюе юйляоку]. Аналогично, депозиционирование, распознанное как действие с результатом 下来 xialai, в большинстве случаев рассматривается лишь как одно звено в серии манипуляций над O2, т. е. предполагается изначально, что последует еще действие по отношению к O2¹. Таким образом, 下 xia / 下来 xialai

¹ Когда человека интересует только депозиционирование O2, привычнее означать результативность с помощью оператора переключения состояния 了. Например, 把衣服脱了 ba yifu tuoxiale (служебное слово с абстрактным значением манипуляции над предметом + ‘одежда’ + ‘снимать’ + 下 — ‘Кто-то снял одежду’ или ‘Сними одежду’) является самодостаточным сообщением. Вполне можно поставить в конце такого сообщения точку. Сообщение 把衣服脱下/下来 ba yifu tuoxia/xialai (служебное слово с абстрактным значением манипуляции над

акцентирует внимание на том, что О2 оказывается в зоне, над которой имеется контроль со стороны человека, что позволяет ему осуществить дальнейшее действие над О2 по своему усмотрению. Иными словами, в координатах определения «НИЗа» явно задействован человек, и этот «НИЗ» антропозависим¹. Такое понимание «НИЗа», возможно, генетически связано с тем, что при совершении депозиционирования внимание может быть сосредоточено на том, что О2 временно окажется в руке / под рукой, а «в руке / под рукой» в свою очередь уже порождает корреляцию между «зоной внизу от себя» и «зоной под контролем». Естественно, при таком понимании «НИЗа» О2 сохраняет свою целостность.

Применение 下去 *xiaqu* указывает, что действие воспринимается с позиции, кто совершает действие депозиционирования. И такое восприятие тоже дополнительно мотивировано. При применении 下去 *xiaqu* подчеркивается процесс увеличения расстояния между человеком и О2, что коррелируется с пониманием об «избавлении». К примеру, к действию, направленному на «удаление чего-то ненужного», применяется только 下去 *xiaqu*, а не 下来 *xialai*. Например, результат действия 擦 *sa* (тереть, вытирать) и 洗 *xi* (стирать, мыть) в большинстве случаев обозначается как 掉 (*diao*), но встречаются и примеры (достаточно редкие) с 下去 *xiaqu*: 把油点洗下去 *bayoudianxixiaqu* (служебное слово с абстрактным значением манипуляции над предметом + масляное пятно + стирать + 下去 — вывести масляное пятно с одежды-

предметом + 'одежда' + 'снимать' + 下/下来) — незаконченное и требует продолжения. Например, 把衣服脱下来, 扔在一边 *ba yifu tuoxialai, rengzai yibian* (служебное слово с абстрактным значением манипуляции над предметом + 'одежда' + 'снимать' + 下来 'кидать, бросать' + 'на' + 'одна' + 'сторона' — '(Кто-то) снял одежду и бросил в сторону').

¹ Об этом свидетельствует и метафорическое применение 下 в качестве обозначения результативности непространственного действия. Кроме корреляции «НИЗ — подконтрольная зона», также наблюдаются корреляция «НИЗ — зона определенности», «НИЗ — зона воплощения», «НИЗ — зона пассивности», что достаточно естественно при антропо-ориентированном представлении о «НИЗ» [Цзинь 2019: 284–286].

ды). 下去 *xiaqu* редко используется для обозначения результата депозиционирования², причина, на наш взгляд, заключается в том, что 下去 *xiaqu* в большей степени отражает восприятие действующим лицом направленности движения О2 в ходе своего действия, а ключевым фактором дифференциации опыта депозиционирования для носителей китайского языка все же является не динамика, а характеристика М2 по отношению к человеку-наблюдателю.

Предопределенная неэквивалентность

Наш анализ показывает, что неэквивалентность рассматриваемых знаков из двух языков предопределена, ибо каждый языковой коллектив применяет свою стратегию к категоризации опыта депозиционирования. Для русского языка характерна стратегия человека-ДЕЙСТВУЮЩЕГО, концентрирующегося непосредственно на динамике своего движения. Значимыми являются в первую очередь сигналы, связанные с предварительной оценкой изначального взаиморасположения объектов и подбором соответствующего направления действия. Связь между категоризацией опыта депозиционирования и представлением о «ВНИЗ», скорее, зарождалась на естественном приложении силы «сверху вниз» для преодоления сцепления, а в дальнейшем категоризационная возможность расширяется за счет абстрагирования признака «сверху вниз», значимым остается обобщенное понимание о «месте сцепления» и «резкости» движения. В китайском языке преобладает стратегия человека-НАБЛЮДАЮЩЕГО, который включает себя в систему координат и проявляет гораздо больше интереса к тому, где окажется О2 по отношению к себе. Связь между категоризацией опыта депозиционирования и представлением о «ВНИЗ», скорее, зарождалась на наблюдении того, что объект после депозиционирования всегда

² Налицествуется значительная асимметрия и в применении комбинации 下来 *xialai* / 下去 *xiaqu*, когда О2 не исчезает в ходе депозиционирования. К примеру, в Корпусе китайского языка при поиске комбинации 下来 *xialai* с 摘 *zhai* ('снять / снимать предмет') и 脱 *tuō* ('снять / снимать одежду, обувь и т. п. с человека') выдается более 400 результатов, а при поиске комбинации 下去 *xiaqu* с этими глаголами — всего 8 и 3 результата соответственно [Бэйцзин дасюе юйляоку].

«падает вниз», а в дальнейшем данный признак «вниз» тоже утрачивает жесткость регламентирующей силы, категоризационная возможность расширяется, значимой остается ментальная идентификация «НИЗа» как «где-то под контролем человека», или как «где-то, но не важно где» или «нигде».

Две стратегии могут не противоречить друг другу, а могут быть и несовместимыми. Следовательно, присутствуют как зона условной эквивалентности, так и зона лакунарности рассматриваемых нами знаков. В целом категоризационная возможность 下 (xia) и 掉 (diao) шире за счет того, что не регламентируются моторика и первоначальное взаиморасположение объектов. Однако 下 (xia) и 掉 (diao) дифференцируют опыт по оценке нужности (сохранности) О2, а знак с- сам по себе не эксплицирует нужность (сохранность) О2, такая информация вычисляется за счет характера самого действия или более широкого контекста. Когда за депозиционированием следует позиционирование, т. е. человек перемещает О2 с целью его применения или хранения в М2, стратегия человека-ДЕЙСТВУЮЩЕГО позволяет напрямую эксплицировать М2 (*сгрузить все в лодку, срезать цветы к столу*), а 下 (xia) такой возможности не имеет из-за подразумевающего «НИЗа» как «где-то под контролем человека», т. е. 下 (xia) уже указывает на промежуточное место пребывания О2 (в руках или под рукой). Для экспликации М2 нужно отдельно описать процесс позиционирования, используя уже иные показатели результативности. Стратегия человека-НАБЛЮДАЮЩЕГО также не позволяет акцентировать внимание на моменте преодоления сцепления между О2 и О1. В двуязычном словаре для толкования *сдвинуть* и *отодвинуть* используется один и тот же результативный элемент 开 kai, указывающий на то, что расстояние между М1 и М2 невелико, т. е. различие между *сдвинуть* и *отодвинуть* для китайского языка — лакуна.

Мы отнюдь не хотим утверждать, что для одного языка совсем не приемлема стратегия, характерная для другого языка, наоборот, наш анализ выявил эпизодическое проявление стратегии человека-ДЕЙСТВУЮЩЕГО в китайском языке, когда 下来 xialai / 下去 xiaqu обозначает не результат, а саму направленность этого действия.

Но в целом превалирование стратегии человека-ДЕЙСТВУЮЩЕГО для русского языка и превалирование стратегии человека-НАБЛЮДАЮЩЕГО для китайского языка достаточно очевидно. Формальное, на первый взгляд, различие в позициях рассматриваемых нами знаков при комбинировании с глаголами, на самом деле тоже мотивировано. Для человека-ДЕЙСТВУЮЩЕГО результат действия напрямую зависит от предварительного «планирования», т. е. приставка задает «траекторию» ПЕРЕД действием, от которой и «вычисляется» результат. Для человека-НАБЛЮДАЮЩЕГО действие служит «причинностью» перемен, результат логично следует ЗА ним. И если в русском языке с помощью приставок в большинстве случаев образуются глаголы совершенного вида и несовершенного вида, ибо процесс может быть просто запущен с заданной «траекторией», то в китайском языке с помощью результативных элементов, как правило, сообщается только об уже совершенном действии или о действии, которое совершится, т. е. акцентируется момент перемен состояний, а не процесса, приводящего к переменам.

Заключение

Наше исследование подтверждает первоначальное предположение о том, что языковая неэквивалентность является естественным проявлением когнитивной тенденциозности. Мозг в принципе не может обрабатывать сигналы, независимые от человека. Язык регистрирует не некий объективный мир, а опыт человека в момент взаимодействия со средой. Когниция, с одной стороны, не может работать как проявление «чистой воли». Связь между категоризацией опыта депозиционирования и представлением о «ВНИЗ» для носителей двух языков хоть и отличается, но в обоих случаях базируется на согласованности между восприятием человека и физическими законами: человек-НАБЛЮДАЮЩИЙ «видит», что объект после депозиционирования движется вниз (и это предопределяется воздействием гравитации); человек-ДЕЙСТВУЮЩИЙ «ощущает» естество между силой и направленностью действия (и это предопределяется законом физиологии). С другой же стороны, тенденциозность когнитивной неизбежна, ибо

в момент взаимодействия со средой человек в обязательном порядке выполняет определенную роль. Мы видим, что в роли НАБЛЮДАЮЩЕГО и в роли ДЕЙСТВУЮЩЕГО человек познает РАЗНОЕ. Мотивированность языка одновременно и определяет его детерминантность — вместе с освоением родного языка у индивидуумов формируются привычные позиции познания, регламентирующие схему внимания в момент языкового распознавания опыта.

Источники

- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 01.07.2021).
- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика: в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. Т. I. М.: Наука, 1980. 783 с.
- Бэйцзин дасюе юйляоку — Базы данных языковых материалов Центра исследования языка при Пекинском университете [электронный ресурс] // Корпус китайского языка. URL: www.ccl.pku.edu.cn (дата обращения: 01.07.2021).
- Люй Шусян 1990 — *Люй Шусян*. Сяньдай ханьюй бабайцы (= Восемьсот слов китайского языка). Пекин: Шану, 1990. 760 с. (На кит. яз.)
- Лю Юэхуа 1998 — Цюйсян буюй тунши (= Толкование дополнительных элементов направле-

Установив когницию как отправную точку в нашем исследовании языковой мотивированности, мы пришли к выводу, что познающий, познаваемое и познанное образуют неразделяемый континуум, но, несмотря на нашу «запертость» в корреляциях «человек — мир», есть надежда, что анализируемые явления языковой неэквивалентности все же позволяют нам приблизиться к закономерностям субъективности познания.

- ния) / ред. Лю Юэхуа. Пекин: Пекинский ун-т языка и культуры, 1998. 704 с. (На кит. яз.)
- Сяньдай ханьюй цыдянь 1997 — Сяньдай ханьюй цыдянь (= Словарь современного китайского языка). Пекин: Шану, 1997. 1722 с. (На кит. яз.).
- Сюй Шэнь — *Сюй Шэнь*. Шовэнь цзецзы (Shuowen Jiezi = Происхождение китайских иероглифов) Т. 12 [электронный ресурс] // Китайские словари на Cidian wang. URL: <https://www.cidianwang.com/shuowenjiezidi/1469.htm> (дата обращения: 29.12.2021).
- Ханьюй дунцы юнфа цыдянь 1999 — Ханьюй дунцы юнфа цыдянь (= Словарь по употреблению глаголов китайского языка). Пекин: Шану, 1999. 495 с. (На кит. яз.)
- Ханьцзы юанлю цыдянь 2003 — Ханьцзы юанлю цыдянь (= Этимологический словарь китайских иероглифов). Пекин: Хуася, 2003. 863 с. (На кит. яз.)

Sources

- A Dictionary of Current Chinese. Beijing: Commercial Press, 1997. 1722 p. (In Chin.)
- Databases of language materials. On: Peking University, Center for Chinese Linguistics (website). Available at: www.ccl.pku.edu.cn (accessed: 1 July 2021). (In Russ.)
- Gu Yankui (ed.) Etymological Dictionary of Chinese Characters. Beijing: Huaxia Publishing House, 2003. 863 p. (In Chin.)
- Liu Yuehua (ed.) Directional Complements: A Compendium. Beijing: Beijing Language and Culture University, 1998. 704 p. (In Chin.)
- Lü Shuxiang. Eight Hundred Modern Chinese Words. Beijing: Commercial Press, 1990. 760 p. (In Chin.)
- Meng Cong, Zheng Huaide, Meng Qinghai, Cai Wenlan (eds.) A Dictionary of Chinese Verb Usage. Beijing: Commercial Press, 1999. 495 p. (In Chin.)
- Russian National Corpus. Available at: www.ruscorpora.ru (accessed: 1 July 2021). (In Russ.)
- Shvedova N. Yu. et al. (eds.) Russian Grammar. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1980. 783 p. (In Russ.)
- Xu Shen. Discussing Writing and Explaining Characters. Vol. 12. On: CiDianWang (dictionary web portal). Available at: <https://www.cidianwang.com/shuowenjiezidi/1469.htm> (accessed: 29 December 2021). (In Chin.)

Литература

- Алексеева 2020 — *Алексеева М. Л.* Корпусно-ориентированное сопоставительное исследование феномена безэквивалентности в паре языков русский-немецкий // Язык и культура. 2020. № 49. С. 6–28.
- Ахмад, Балуян 2017 — *Ахмад А. О., Балуян С. Р.* Сопоставительный анализ лексических межъязыковых лакун русского и английского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3–2 (69). С. 60–62.

- Интерпретация мира 2017 — Интерпретация мира в языке: коллективная монография / Бабина Л. В., Безукладова И. Ю., Беляевская Е. Г. и др. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2017. 450 с.
- Болдырев 2019 — *Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: ЯСК, 2019. 480 с.
- Вахитова 2018 — *Вахитова Т. Ф.* Национально-культурная специфика языковой картины мира и роль фразеологизмов в ее структуре // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 465–465.
- Волохина, Попова 1993 — *Волохина Г. А., Попова З. Д.* Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: ВГУ, 1993. 196 с.
- Кибрик 2005 — *Кибрик А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). 4-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2005. 336 с.
- Кобзев 2011 — *Кобзев А. И.* Китай и взаимосвязи иероглифики с континуализмом, а алфавита с атомизмом // Общество и государство в Китае: ХLI Научная конференция / редкол.: А. А. Бокщанин (пред.) и др. М.: Вост. лит., 2011. С. 314–325 (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 1).
- Кошелев 2008 — *Кошелев А. Д.* Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 15–40.
- Кузнецов 2011 — *Кузнецов В. Г.* Когнитивный аспект имплицитной мотивированности языкового знака // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1 (026). С. 15–22.
- Леонтьев 2001 — *Леонтьев А. А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2001. 448 с.
- Майсак, Рахилина 2007 — *Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* Глаголы движения и нахождения в воде: лексические системы и семантические параметры // Глаголы движения в воде: лексическая типология / ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. М.: Индрик, 2007. С. 27–75
- Перфильева 2016 — *Перфильева С. Ю.* Ремарки о неполноэквивалентности названий эмоций в естественных языках // Вопросы психолингвистики. 2016. № 29. С. 220–228.
- Селезнева 2014 — *Селезнева Н. В.* Национально-культурная специфика языковой картины мира как отражение национального мышления // Философия образования. 2014. № 4 (55). С. 141–152.
- Фернандес Санчес 2016 — *Фернандес Санчес Ю. В.* Национально-культурная специфика баскской языковой картины мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 3. С. 44–50.
- Хазимуллина 2015 — *Хазимуллина Е. Е.* Общая лингвистическая теория мотивации: к постановке проблем // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2. С. 144–154.
- Харман 2020 — *Харман Г.* Спекулятивный реализм: введение / пер. с англ. А. А. Писарева. М.: РИПОЛ-классик, 2020. 290 с.
- Цзинь 2010 — *Цзинь Т.* Репрезентация локальной каузации: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 3. С. 32–41.
- Цзинь 2019 — *Цзинь Т.* Модели движения ВНИЗ и их метафорический потенциал (на материале русского и китайского языков) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 277–292. DOI: 10.17223/18137083/73/19

References

- Akhmad A. O., Baluyan S. R. Comparative analysis of the Russian and English lexical inter-lingual lacunas. *Philology. Theory & Practice*. 2017. No. 3–2 (69). Pp. 60–62.
- Alekseeva M. L. Corpus-based comparative study of non-equivalence in Russian and German. *Language and Culture*. 2020. No. 49. Pp. 6–28. (In Russ.)
- Babina L. V., Bezukladova I. Yu., Belyaevskaya E. G. et al. World Interpretation in Language. Joint monograph. Tambov: Derzhavin Tambov State University, 2017. 450 p. (In Russ.)
- Boldyrev N. N. Language and Knowledge System: The Cognitive Theory of Language. 2nd ed. Moscow: YaSK, 2019. 480 p. (In Russ.)
- Fernandez Sanchez Yu. V. Cultural and national specifics of the Basque language world view. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2016. No. 3. Pp. 44–50. (In Russ.)
- Harman G. Speculative Realism: An Introduction. A. Pisarev (transl.). Moscow: RIPOL-Classik, 2020. 290 p. (In Russ.)
- Khazimullina E. E. General linguistic theory of motivation: To the statement of the problem.

- Issues of Cognitive Linguistics*. 2015. No. 2. Pp. 144–154. (In Russ.)
- Kibrik A. E. Essays on General and Applied Linguistics: The Universal, Typical, and Specific in Language. 4th ed. Moscow: KomKniga, 2005. 336 p. (In Russ.)
- Kobzev A. I. China: Interrelations between logographic script and continualism, alphabet and atomism. *Society and State in China*. Vol. XLI. No. 1. 2011. Pp. 314–325. (In Russ.)
- Koshelev A. D. On the principal paradigms of studying natural languages in the light of cognitive linguistics. *Voprosy Jazykoznanija*. 2008. No. 4. Pp. 15–40. (In Russ.)
- Kuznetsov V. G. Cognitive aspect of the implicit motivation of language sign. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2011. No.1 (26). Pp. 15–22. (In Russ.)
- Leontiev A. A. Language and Speech Activity in General and Pedagogical Psychology: Selected Writings in Psychology. Moscow: Moscow Institute of Psychology and Social Science; Voronezh: MODEK, 2001. 448 p. (In Russ.)
- Maisak T. A., Rakhilina E. V. Verbs of motion and stay in water: Lexical systems and semantic parameters. In: Maisak T. A., Rakhilina E. V. (eds.) *Verbs of Motion in Water: A Lexical Typology*. Moscow: Indrik, 2007. Pp. 27–75. (In Russ.)
- Perfilyeva S. Yu. Remarks on incomplete equivalence of emotion names meanings in natural languages. *Journal of Psycholinguistics*. 2016. No. 29. Pp. 220–228. (In Russ.)
- Selezneva N. V. Cultural specifics of language picture of the world as a reflection of the national thinking system. *Philosophy of Education*. 2014. No. 4 (55). Pp. 141–152. (In Russ.)
- Tszin T. Models of downward motion and their metaphorical potential (in Russian and Chinese). *Siberian Journal of Philology*. 2020. No. 4. Pp. 277–292. (In Russ.) DOI: 10.17223/18137083/73/19
- Tszin T. Representation of local causation: The comparative study. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2010. No. 3. Pp. 32–41. (In Russ.)
- Vakhitova T. F. National and cultural identity of the linguistic view of the world and the role of phraseological units in its structure. *The World of Science, Culture and Education*. 2018. No. 2 (69). Pp. 465–465. (In Russ.)
- Volokhina G. A., Popova Z. D. Russian Verbal Prefixes: Semantic Structure, System Relations. Voronezh: Voronezh State University, 1993. 196 p. (In Russ.)

